

УДК 94(470.51)

doi 10.17072/2219-3111-2020-2-80-87

**«ВСПОМИНАЛИ ТОЛЬКО О ЕДЕ...»:
ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА КУРГАНА
В УСЛОВИЯХ ГОЛОДА НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ**

К. Ю. Кладова

Курганский государственный университет, 640000, Курган, ул. Советская, 63, стр.4
ks-klad@mail.ru

Рассмотрены повседневные практики выживания жителей города Кургана в период голода 1921–1922 гг. В Кургане голод достиг своего пика весной 1922 г., когда голодала третья часть городского населения. Остальные курганцы находились в относительно лучших условиях благодаря заработной плате и личному подсобному хозяйству. Заработок рядовых курганских рабочих и служащих в условиях голода был крайне мал, однако лишение работы ставило людей на край гибели. Существенным подспорьем для значительной части горожан оказались огороды и домашний скот, а также ценные вещи, которые продавались или обменивались на продукты. В пищу вошли суррогаты, падали животных и птиц. Экстремальные условия вынуждали население менять привычный образ жизни. Часть курганцев, спасаясь от голода, уезжала в более благополучные районы страны. Оставшиеся граждане пытались выжить на малые зарплаты и скудные продовольственные пайки, постепенно распродавали имущество, старались оформить карточки в столовые, просили милостыню. Карточки в столовые как предмет особой ценности немедленно стали объектом махинаций. Широкий размах на почве голода приобрели мелкие и крупные кражи, разбой, мошенничество и убийство. На протяжении всего межвоенного периода в памяти курганских обывателей сохранялся страх голода 1921–1922 гг. Частые перебои в снабжении сопровождались тревожными слухами и стремлением запастись необходимым для существования. Нормированное распределение благ, многочасовые очереди постепенно вошли в повседневную жизнь советских граждан.

Ключевые слова: голод, недоедание, столовая, суррогат, практики выживания, помощь голодающим.

Голод начала 1920-х гг. охватил значительную территорию России, в том числе Челябинскую губернию. На жителей Курганского уезда (одного из самых урожайных в губернии и признанного голодающим только в 1922 г.) в 1921 г. легла вся тяжесть продналога, уплатив который, люди могли рассчитывать лишь на пять-шесть месяцев относительной сытости [Тайболина, 1993, с. 99]. К весне 1922 г. Курганский уезд был охвачен голодом. По официальным данным в 1922 г. из 361 384 его жителей 171 431 голодали, 13 868 болели на почве голода и 1 642 от голода умерли [Попов, 1925, с. 12]. Исследователи выделяют несколько причин голода начала 1920-х гг.: частичный неурожай 1920 г. и полный неурожай 1921 г.; последствия Первой мировой и Гражданской войн; сокращение числа крестьянских хозяйств, вызванное продразверсткой; отсталые способы ведения сельхозработ; хозяйственный урон, нанесенный в ходе крестьянских выступлений 1920–1921 гг. и их подавления; государственные просчеты, в результате которых хлебные запасы от урожая 1920 г. были быстро израсходованы [Тайболина, 1993, с. 98–99].

Обозначив в общих чертах масштабы голода в регионе, обратимся к историографии проблемы. Исследованию причин этого бедствия и эффективности мероприятий советской власти по борьбе с голодом в Курганском уезде посвящена статья зауральского историка М.Н. Тайболиной [Тайболина, 1993]. Указанная работа демонстрирует традиционный подход к рассматриваемой проблеме, заключающийся в выяснении того, что было и чего не было сделано властями для улучшения снабжения населения продовольствием. Мы вслед за автором масштабного исследования уральской повседневности революционных лет И. В. Нарским [Нарский, 2001], историком А.Ю. Федотовой [Федотова, 2017] и другими обратимся к «рядовому» человеку, а именно к выявлению особенностей существования и поведения курганцев в условиях голода.

Источниковая база исследования включает документы комиссии помощи голодающим при Курганском уездном исполкоме, городские милицейские сводки 1921–1922 гг., немногочисленные воспоминания современников, а также материалы окружной плановой комиссии, изданные в 1925 г. в виде сборника, содержащего в том числе экономические и демографические данные предшествующего периода.

Важным источником являются публикации в газете «Красный Курган». Несмотря на то что главное место в этом издании отводилось общероссийским (общесоюзным) материалам с известной долей политизированности, а также уездным новостям, в газете имеются сведения и о городской жизни. Кургану посвящены разнообразные публикации: от официальных постановлений и данных статистики до репортажей с места событий и острых фельетонов. Обращает на себя внимание некоторая «прямолинейность» и «наивность» материалов местных корреспондентов 1920-х гг. В «Красном Кургане» без снисхождения критиковалась деятельность городских властей в целом, конкретных должностных лиц, простых обывателей. Печатались новости, переданные «с мест» энтузиастами, с последующим отчетом о проверке изложенных фактов. Десятилетие спустя «Красный Курган» утрачивает «живость» и «прямоту» изложения местных новостей, присущих публикациям 1920-х гг.

В начале 1920-х гг. Курган оставался небольшим провинциальным городом, центром земледельческого уезда, с населением чуть менее 28 тыс. чел. (Князев, 1925, с. 34). Курганская промышленность была ориентирована на переработку сельскохозяйственного сырья. В условиях разрухи в 1921 г. оставались работающими консервный завод, обеспечивающий нужды армии; машиностроительный (турбинный) завод, занимавшийся вместо производства сельскохозяйственного оборудования «мелким ремонтом кустарного характера»; кожевенный завод; мельницы; жестяно-лудильный завод по выработке молочной посуды (Коуба и др., 1925, с. 226–269). Статистика 1924 г. свидетельствует, что в городе из 5331 работающего 2426 (45,5%) были рабочими, 2113 (39,6%) – служащими, 454 (8,6%) занимались торговлей, 183 (3,5%) кустарным промыслом, 125 (2,3%) числились занятыми в сельском хозяйстве и 24 (0,5%) являлись служителями культа (Попов, 1925, с. 11).

Курганцы проживали как в многоквартирных домах и общежитиях, так и в частных домах, расположенных в центре и на городских окраинах. Большая часть курганцев имела огороды и домашний скот, поддерживая тем самым свое существование в нелегкое межвоенное время. Размеры хозяйств значительно различались: семьям из многоквартирных домов придомовая территория не позволяла иметь больше одной коровы и двух-трех гряд огородной земли, в то время как жители частного сектора располагали большими возможностями для ведения хозяйства. Встречались и семьи, целиком занятые на службе или производстве, совсем не имеющие домашнего скота [Кладова, 2014, с. 174]. Вместе с тем Курган, как и любой город, был зависим от поставок сельхозпродуктов, и бедственное продовольственное положение в зауральских деревнях вело к немедленному удорожанию продуктов на городских рынках.

В 1921 г. жители Курганского уезда съели заготовленные ими запасы хлеба, овощей, на эти цели пошел также мясной, молочный и рабочий скот, после чего они вынуждены были переходить на суррогаты. Голод в Кургане и уезде достиг пика весной 1922 г. По словам председателя Окружного исполнительного комитета А.Д. Попова, «питание значительной части населения в это тяжелое время состояло исключительно из разных суррогатов, в числе которых на первом месте стояли "просянка" (семена мышея) и "мочка" (корни рогоза)» (Попов, 1925, с. 12). В числе употребляемых суррогатов были также лебеда, мох (Кожевников, 1922, № 15 (381), с. 2), мучка от камыша, древесные опилки, белая глина, мякина соломы, кожсырье. В пищу шли также падали птиц и животных, в том числе кошек и собак (Борьба с голодом, 1922, № 25 (391), с. 1).

Горожане, как и деревенские жители, массово умирали от голода. Заведующий городским похоронным бюро в период пика голода, весной 1922 г., сообщал, что «за май месяц смертность была ужасающая, цифра похороненных за сутки превышала 100, а иногда доходила до 200. Ежедневно снимается мертвых с поездов от 20 до 30 человек, собираем также и вообще по линии выбрасываемых из проходящих поездов... Находим мертвых на чердаках пустых домов... в подвалах... Едем за трупами по требованию учреждений, кварткомов коммуналдела и т.д.... по объезде учреждений возчик направляется просто по улицам города... подбирает от 10

до 15 трупов ежедневно... Но с 8 июня количество смертей резко идет на убыль» (Работа царя-голода, 1922, № 34 (400), с. 2).

Описаны случаи, когда доведенные до отчаяния люди решались на самоубийство и убийство своих детей (Борьба с голодом, 1922, № 25 (391), с. 1). Однако они являлись исключением из повседневной практики. В условиях недоедания именно на женщину – мать и хозяйку – ложилась забота о выживании семьи. В 1921 г. за мешок зерноотходов продала свой дом жительница Кургана, лишившаяся мужа-кормильца. Этот мешок мать семейства отдала машинисту паровоза, чтобы увезти детей из голодающего Кургана к родственникам в Барнаул (*Подкорытова*, 2000).

Горожане выменивали имеющиеся у них ценности на продукты по чрезвычайно высоким ценам. Для многих этот обмен был единственным способом выживания в голодное время. Так, шестидесятилетняя жительница деревни Плотниковой Курганского уезда, спасаясь от голода, временно переехала в Курган, где продержалась до мая 1922 г. за счет продажи своих вещей (ГАКО. Ф. р-314. Оп. 1. Д. 8. Л. 67). По воспоминаниям жителя города Кургана В.С. Коржева, подростком пережившего голод, «особенно тяжело досталось бедноте, которая, не имея возможности произвести обмен на хлеб или картошку что-нибудь из вещей, умирала от голода...» (ГАОПДКО. Ф. 6915 Оп. 1. Д. 2. Л. 29–30). Торговцы-перекупщики, называемые советской печатью спекулянтами, закупали у крестьян продукты оптом с целью перепродажи. В январе 1922 г. Челябинский губисполком издал постановление, запрещающее перекупщикам на рынках закупать продукты до 12 часов дня, чтобы дать возможность городским рабочим и служащим купить товары «непосредственно из рук крестьянина-производителя по более доступным ценам» (*Ершов и др.*, 1922, № 9 (375), с. 4). На страницах местной газеты появлялись фельетоны, разоблачающие спекулянтов, воров из числа государственных служащих и тех милиционеров, которые их покрывали:

«Посмотрите у нас на базаре
Продают Межрабкомовский рис
Сухой и в разваре.
По субботам бывает зерно,
Но продают украдкой,
Дорого стоит оно:
Пахнет судом и взяткой.
Но обходится мирным путем
Торговать умеют
При милиции с каждым днем
Спекулянты балдеют» (*Кокин*, 1922, № 28 (394), с. 2).

В декабре 1921 г. в Кургане среднерыночная цена за пуд (16,4 кг) муки составляла 110 тыс. руб., пуд крупы стоил 380 тыс., фунт (0,4 кг) мяса – 8 тыс., фунт рыбы – 10 тыс., четверть молока – 23,5 тыс., вилок капусты – 17,5 тыс., десяток яиц – 26,5 тыс., фунт кофе – 12,5 тыс., пуд соли – 52,5 тыс., фунт сахара – 42,5 тыс. руб. (*Орлов, Попов*, 1922, № 5 (371), с. 2). Есть сведения о тарифных ставках ответственных работников профессиональных, партийных и советских организаций Курганского уезда в декабре 1921 г. – от 1 080 тыс. руб. до 1 512 тыс. руб. в зависимости от разряда. В этом же месяце норма продовольственного снабжения ответственных работников составляла 50 фунтов муки, 7,5 фунтов крупы, 15 фунтов мяса, 2 фунта жиров, 2 фунта сахара, 0,25 фунта кофе, 4 фунта соли и 1 фунт мыла. На членов семьи (не более трех человек) отпускалось дополнительно по 13 фунтов муки на каждого. Стоимость продовольственного пайка шла в счет заработной платы по твердым ценам, опубликованным в № 617 «Советской правды» (*Орлов, Попов*, 1922, № 5 (371), с. 2). Таким образом, в декабре 1921 г. зарплаты партийного работника хватало на относительно нормальное питание семьи из четырех-пяти человек.

Граждане, занятые в других сферах, нередко балансировали на грани выживания, несмотря на получение заработной платы. Так, в заявлении сотрудника типографии № 7 в Горуюездную комиссию по борьбе с голодом от 7 декабря 1921 г. отмечалось, что он и его семья из пяти человек на протяжении последних дней голодает: «нет не только кусочка хлеба, но и суррогатов никаких» (ГАКО. Ф. р-314. Оп. 1. Д. 8. Л. 7). С просьбой о помощи в декабре 1921 г.

в Курганский горком ВКП (б) обратился член партии, служащий горхоза, третью неделю питающийся отрубями, брюшиной и травой. По дороге из Москвы в Курган у его семьи украли большую часть вещей и продукты. «Горхоз очень слабо снабжает своих сотрудников за неимением средств... Служу около месяца, получил только сто тысяч денег». Этой суммы хватало на покупку только 7 фунтов муки (ГАКО. Ф. р-314. Оп. 1. Д. 8. Л. 7).

В тяжелейшей ситуации находились безработные горожане, учащаяся молодежь и дети. В поисках пропитания многие из них по утрам осаждали столовые, просили милостыню под окнами (Кто враги голодающим, 1922, № 37 (403), с. 2). Некоторые граждане обращались в комиссию помощи голодающим за содействием в получении любой работы (ГАКО. Ф. р-314. Оп. 1. Д. 8. Л. 41), соглашаясь «работать хоть круглые сутки, лишь бы кормиться» (ГАКО. Ф. р-314. Оп. 1. Д. 8. Л. 7). Попавший под сокращение штатов переселенец из Тамбовской губернии с семьей из восьми человек, распродав все вещи, обращался с последней надеждой в курганский отдел социального обеспечения, обреченно замечая, что «выхода из этого положения, кроме голодной смерти, нет никакого» (ГАКО. Ф. р-314. Оп. 1. Д. 8. Л. 56–56 об.). Зачастую безработные обращались в комиссию по борьбе с голодом с просьбой о выдаче карточек в столовую. Так, сокращенный служащий Губсоюза после трех месяцев недоедания просил карточку на пропитание четырех детей (ГАКО. Ф. р-314. Оп. 1. Д. 8. Л. 40). Получившие карточку на питание в столовой могли рассчитывать на небольшой паек, которого едва хватало, чтобы не умереть от голода. М.Н. Тайболина приводит нормы дневного «голодного пайка» на одного человека в день в Кургане весной 1922 г. (1 фунт = 0,41 кг, 1 золотник = 4,27 г): $\frac{1}{4}$ фунта хлеба, 12 золотников крупы, 32 золотника мяса, 4 золотника жиров, 3 золотника соли, 1 золотник яиц [Тайболина, 1993, с. 101].

Весной 1922 г. за счет средств Уездного комитета помощи голодающим и организации «Международная рабочая помощь» в городе работали несколько столовых, снабжающих голодающее население. Первая из них была рассчитана на 100 чел., но к маю 1922 г. здесь питались уже 900 горожан. Вторая столовая на 500 чел. в это время обслуживала от 700 до 900 голодающих. На станции Курган была открыта столовая на 200 детей, но ее пропускная способность достигала 500 ребят. Столовую № 3 планировали расширить на 300 чел. Столовая № 4 весной 1922 г. обслуживала 650 голодающих горожан. Предполагалось открыть еще одну столовую на 500 чел. на средства Уездного комитета помощи голодающим, кофейную на 2 тыс. чел. на средства международной Миссии Нансена. Местные власти предполагали, что эти меры позволят удовлетворить потребности в пропитании 4 770 чел., или 50 % от голодающего населения города (Борьба с голодом, 1922, № 25 (391), с. 1). Если учесть, что в 1920 г. Курган насчитывал 27 739 жителей (Краткий обзор..., 1925, с. 34), то в разгар этого страшного бедствия голодал каждый третий горожанин. По словам современников, «по приезде в Курган Межрабкома... снабжение голодающих через столовые было расширено, так как им производились отпуска риса, фасоли и молока в сгущенном виде. С приездом в Курган Миссии Нансена признанные центром голодающими волости сразу же начали регулярно снабжаться продовольствием в достаточной мере» (ГАКО. Ф. р-314. Оп. 1. Д. 17. Л. 10).

В это время детям от 3 до 12 лет государство предоставляло обеды по карточкам. Причем взрослым не разрешалось сопровождать детей в столовой, а на дом обед ребенку отпускался только по справке от врача. Рацион по норме на одного ребенка в день в столовых был более чем скромным. Так, в столовой № 7 ежедневно давали 12 золотников риса. В дополнение к рису могли быть сладкое молоко (1 банка на 8 детей), или сушеные сливы (6 золотников), или масло (6 золотников) и сахар (2 золотника). В остальных городских столовых в июне 1922 года было запланировано два дня в неделю кормить детей мясом (32 золотника) с фасолью (4 золотника), рисом (8 золотников), маслом (6 золотников), в остальные пять дней основным блюдом был рис (12 золотников) (Зельман, 1922, № 31 (397), с. 2).

К началу августа 1922 г. в детских домах города находился 1651 ребенок. Летом дети получили дополнительное питание от Межрабкома: рис, масло, сгущенное молоко, фрукты. «Дети поправились, стали живей. Смертность уменьшилась», – отмечали очевидцы (Наши дети, 1922, № 69 (435), с. 2).

Возвращаясь к теме пайкового распределения обедов, подчеркнем, что карточки в столовые как предмет особой ценности в голодные годы немедленно стали объектом махинаций. Для

получения карточек необходимы были документы. «В последнее время свирепствует новая эпидемия, – сообщали современники, – массовая потеря документов. Заявления об утере поступают почти исключительно от лиц, имеющих конечную цель – получить карточку в столовую» (Местная жизнь, 1922, № 40 (406), с. 2). Те граждане, которые, продав или потеряв свои документы, не имели средств опубликовать объявление об утере, оставались без продовольственной карточки и без работы. Последним приютом голодающих нищих был «дом смерти», располагавшийся сначала в подвале одного из зданий в ближайшем пригороде, а затем у Троицкого кладбища. Посетивший это место корреспондент газеты отметил, что «помещение страшно загромождено. В некоторых комнатах полно испражнений. Вьются мириады мух. Всюду разбросаны рублища...» (Местная жизнь, 1922, № 40 (406), с. 2).

Разруха и антисанитария царили не только в городских ночлежках. Вскоре Курган охватили эпидемии. Брюшной, сыпной, возвратный тиф, холера были неизменными спутниками голода. Источниками холеры были объявлены река Тобол и городские колодцы. Уездный исполком распорядился во всех общественных местах поставить баки с кипяченой водой, а граждан предостерегали пить сырую воду. Власти занялись очисткой города, жалуясь на наводнение, плохую погоду и отсутствие гужевого транспорта для ассенизационного обоза (Борьба с холерой, 1922, № 34 (400), с. 2).

В голодные зимние месяцы люди с надеждой ждали наступления тепла, чтобы перейти на подножный корм. Уже весной 1922 г. многие жители голодающей Рябковой – одной из ближайших пригородных деревень, вошедшей через некоторое время в состав городской территории, – кормились только тем, что ловили в реке мелкую рыбешку (Местная жизнь, 1922, № 29 (395), с. 2). В марте 1922 г. в Рябковой голодали 225 детей и 442 взрослых (ГАКО. Ф. р-314. Оп. 1. Д. 21. Л. 43). Подростки из ремесленного училища, по воспоминаниям одного из них, в разгар голода весной 1922 г. «вспоминали только о еде... кто и что раньше любил кушать. У кого мать или сестренка готовила сытные щи с капустой или пирожки с ливером... Чтобы продержаться до лета, многие ребята покинули училище и ушли на заработки туда, где давали мизерный паек хлеба. Оставшиеся в школе (сначала скрытно), а затем и в открытую приступили к изготовлению всех систем и видов зажигалок, которые на рынке и в деревне обменивались на продукты питания... При школе внизу была открыта общественная столовая, где один раз в сутки мы получили горячую пищу, суп-бланду и какую-нибудь кашу. Лето 1922 года принесло огромное облегчение... Ягоды, рыбная ловля, грибы заполнили наши желудки. Значительно улучшилось положение с продовольствием в городе...» (ГАОПДКО. Ф. 6915 Оп 1. Д 2. Л. 29-30).

Действительно, к лету 1922 г. пик голода для горожан был пройден, но ситуация все еще оставалась тяжелой. В июне средняя зарплата рабочих и служащих составляла от 1438 до 1850 руб. В это же время цены на продукты были следующими (за фунт): мука – 9 руб., мясо – 7 руб. 75 коп., жиры – 27 руб., сахар – 37 руб. 50 коп., соль – 75 коп. Оставался в продаже и суррогат по цене 2 руб. 25 коп. за фунт (Рабочая жизнь, 1922, № 42 (408), с. 2). Два месяца спустя зарплаты курганских рабочих и служащих по-прежнему оставались низкими. «Цифра далека от прожиточного минимума, – отмечали современники, – но рабочие, учитывая разрушенное хозяйство и истощенные ресурсы страны, этим удовлетворены...» (Афанасьев, 1922, № 58 (424), с. 3).

Низкие зарплаты работающих во многом объясняют причины массового стремления горожан уклониться от уплаты гражданского налога в пользу голодающих. Люди разными уловками записывались в безработные, так как по городу прошел слух, согласно которому безработных от уплаты налога освобождают (Безработные (фельетон), 1922, № 41 (407), с. 2). Советская печать высмеивала и осуждала подобное поведение. Пресса явно противопоставляла голодающих нищих и спекулянтов «в чьих карманах и в холщовых мешках крепко зажато горло голодного человека» (Кто враги голодающим, 1922, № 37 (403), с. 2). Однако между этими категориями людей находилась масса рабочих и служащих, а также горожан, занятых личным подсобным хозяйством. Эти люди балансировали на грани нормы и выживания, подавали милостыню голодающим или прогоняли из-под своих окон нищих со словами: «Не прогневайся, сами голодны» (Кто враги голодающим, 1922, № 37 (403), с. 2).

В летнее время город продолжал нуждаться в бесплатной ночлежке для голодающих (Местная жизнь, 1922, № 40 (406), с. 2). В августе 1922 г. в четырех городских столовых питались 2,3 тыс. чел. (Местная жизнь, 1922, № 54 (420), с. 2), то есть в разгар огородного сезона недоедал ориентировочно каждый десятый житель города Кургана. Об этом же свидетельствуют и частые кражи овощей с городских огородов. Большинство расхитителей гряд были нуждающимися подростками (В городе, 1922, № 58 (424), с. 4).

Воровство в голодные годы среди населения приобретает особый размах. Не стал исключением и Курган, где орудовали не только воры-рецидивисты, занимавшиеся крупными кражами в столовых (Местная жизнь, 1922, № 54 (420), с. 2), но и рядовые граждане, в иное время не решившиеся бы взять чужое (Местная жизнь, 1922, № 29 (395), с. 2). В январе 1922 г. начальник Курганского подотдела уголовного розыска, отмечая возросшее число краж, грабежей и убийств в городе, подчеркивал, что «при задержании того или иного преступника выясняется, что на преступление заставил идти голод» (ГАКО Ф. р-461. Оп. 1. Д. 126. Л. 1 об.). Наряду с кражами и разбоем в голодные годы получает распространение и каннибализм. К счастью, в Курганском уезде голод не был столь жестоким и продолжительным, как в других частях страны, поэтому случаи людоедства здесь были единичными. Летом 1922 г. в местной газете вышла статья под названием «Небывалый случай людоедства»: курганским уголовным розыском были пойманы с поличным две женщины из пригорода, признавшие свою вину в убийстве и съедении двадцати человек, в том числе своих детей (Небывалый случай людоедства, 1922, № 42 (408), с. 2).

В экстремальных условиях поведение человека часто связано с переходом некоей психологической границы дозволенного. Теме разрушения общественных и личных запретов под влиянием голода, порабощения человека и общества пищевым инстинктом посвящена весьма интересная работа П.А. Сорокина [Сорокин, 2003]. Социолог убедительно показывает, как «голод лобовой атакой аннулирует все защитные рефлексy, подавляет волю к жизни»: половые, болевые рефлексy и инстинкт групповой самозащиты, а также моральные, правовые и религиозные основы поведения [Сорокин, 2003, с. 159]. Говоря о советской действительности, П.А. Сорокин, будучи современником революционных лет, отмечал, что «в наши годы мы в бесконечном изобилии наблюдаем случаи подавления "рефлексов свободы" у массы лиц... которые из-за продовольственного пайка отказывались от свойственных им форм поведения и образа мыслей, надевали на себя маску покорности...» [Сорокин, 2003, с. 198]. Так, в ходе преодоления последствий голода и разрухи курганские рабочие и служащие соглашались жить на зарплату, которых с трудом хватало на пропитание семей.

Подводя итоги, отметим, что суровый 1922 г. курганцы пережили по-разному. Весной голодала третья часть городского населения. Остальные находились в относительно лучших условиях благодаря заработной плате и личному подсобному хозяйству. Заработок рядовых курганских рабочих и служащих в условиях голода был крайне мал, однако лишение работы ставило горожан на край гибели. Не случайно часть обращений трудоспособных граждан в комитет помощи голодающим содержит именно просьбы о содействии в трудоустройстве. Существенным подспорьем для значительной части горожан оказались не только огороды и домашний скот, но и ценные вещи, которые продавались или обменивались на продукты.

Экстремальные условия вынуждали население менять привычный образ жизни. Часть курганцев, спасаясь от голода, уезжала в более благополучные районы страны. Оставшиеся пытались выжить на малые зарплаты и скудные пайки, постепенно распродала имущество, пытались оформить карточки в столовые, просили милостыню. Усложнилась и криминальная обстановка: мелкие и крупные кражи, разбой, мошенничество и убийство на почве голода приобрели широкий размах. Голод обнажил такие человеческие качества граждан, как стремление помочь нуждающимся и жажда наживы в условиях народного бедствия. На протяжении всего межвоенного периода в памяти курганских обывателей сохранялся страх голода 1921–1922 гг. Частые перебои в продовольственном снабжении сопровождалась тревожными слухами и стремлением запастись необходимым. Нормированное – пайковое – распределение благ, многочасовые очереди постепенно вошли в повседневную жизнь советских граждан.

Список источников

- Афанасьев*. Рабочая жизнь // Красный Курган. 1922. № 58 (424). С. 3.
Безработные (фельетон) // Красный Курган. 1922. № 41 (407). С. 2.
Борьба с голодом // Красный Курган. 1922. № 25 (391). С. 1.
Борьба с холерой // Красный Курган. 1922. № 34 (400). С. 2.
В городе // Красный Курган. 1922. № 58 (424). С. 4.
Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. р-314. Оп. 1. Д. 8. Л. 7, 40, 41, 56–56 об., 67; Д. 17. Л. 10; Д. 21. Л. 43; Д. 126. Л. 1 об.
Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 6915 Оп 1. Д 2. Л. 29–30.
Ершов, Горашук, Новоселов. Обязательное постановление №8 Челябинского Губисполкома по отделу управления // Красный Курган. 1922. № 9 (375). С. 4.
Зельман Г. Борьба с голодом // Красный Курган. 1922. № 31 (397). С. 2.
Князев А.И. Население и его состав // Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественноисторическом, культурно-экономическом и административном отношении. Курган: Б. и., 1925. С. 25–54.
Кожевников Д. Расширяйте огородничество // Красный Курган. 1922. № 15 (381). С. 2.
Кокин К. Фельетон // Красный Курган. 1922. № 28 (394). С. 2.
Коуба Ф.Ф., Мельников Н.А., Лешин Я.Е. Промышленность // Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественноисторическом, культурно-экономическом и административном отношении. Курган: Б. и., 1925. 542 с. С. 211–326.
Кто враги голодающим // Красный Курган. 1922. № 37 (403). С. 2.
Местная жизнь // Красный Курган. 1922. № 29 (395). С. 2.
Местная жизнь // Красный Курган. 1922. № 40 (406). С. 2.
Местная жизнь // Красный Курган. 1922. № 54 (420). С. 2.
Наши дни // Красный Курган. 1922. № 69 (435). С. 2.
Небывалый случай людоедства // Красный Курган. 1922. № 42 (408). С. 2.
Орлов, Попов. Тариф // Красный Курган. 1922. № 5 (371). С. 2.
Подковытова Л.Г. Из воспоминаний матери. URL: <http://www.kurgangen.ru/memories/Rodkogytova/>, свободный (дата обращения: 05.06.2019).
Попов А.Д. Вступление // Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественно-историческом, культурно-экономическом и административном отношении. Курган: Б. и., 1925. С. 11–15.
Работа царя-голода // Красный Курган. 1922. № 34 (400). С. 2.
Рабочая жизнь // Красный Курган. 1922. № 42 (408). С. 2.

Библиографический список

- Кладова К.Ю.* Детская повседневность города Кургана 1930-х гг. в устных источниках // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. Ч. 9. С. 172–191.
Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.
Сорокин П.А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia & LVS, 2003. 684 с.
Тайболина М.Н. «Не так захваченные природной стихией» (голод 1921–1922 гг. в Курганском уезде Челябинской губернии) // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган: Б. и., 1993. Вып. 5. С. 98–103.
Федотова А.Ю. Стереотипы поведения населения ТАСССР во время голода 1921–1923 гг.: гендерный аспект // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): Матер. междунар. науч. конф. 16–18 марта 2017 г. СПб.: Культ.-просвет. товарищество, 2017. С. 401–407.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.07.2019

«ONE THOUGHT ONLY OF FOOD...»: ROUTINE PRACTICES OF KURGAN PEOPLE DURING STARVATION OF THE EARLY 1920S

K. Y. Kladova

Kurgan State University, Sovetskaya str., 63, b. 4, 640000, Kurgan, Russia
ks-klad@mail.ru

The article considers routine practices of Kurgan's people survival during the starvation in 1921–1922. In Kurgan, starvation reached its climax in the spring of 1922, when a third of the urban population went hungry. The remaining residents of Kurgan were in comparatively better conditions due to their salaries and personal subsidiary plots. The salaries of ordinary Kurgan workers and clerks were small, but job loss was critical for people. Vegetable gardens and livestock were of a significant help for many citizens, as well as other things that they could sell and change for food. Substitute goods and carrion of animals and birds became food. Extreme conditions forced the population to change their usual lifestyle. Some people, trying to escape from the starvation, moved to more favourable regions of the country. The rest tried to survive on small wages and scarce food rations; step by step they sold their property, tried to get special cards for canteens, begged, etc. Cards for canteens immediately became the subject of machinations as something valuable. In general, the criminal situation escalated: because of starvation, petty and grand thefts, assaults and murders spread widely. Throughout the interwar period, in the memory of Kurgan people, there was a fear of starvation of 1921–1922. Frequent supply breakdowns were accompanied by worrying rumors and a desire to stock up on something. Standard distribution, hours-long queues became a part of the routine life of Soviet citizens.

Key words: starvation, undernutrition, canteen, substitute good, survival practices, famine relief.

References

- Kladova, K.Yu. (2014), “Childish routine of Kurgan of the 1930s in oral sources”, in *Istochnikovedcheskie i istoriograficheskie aspekty sibirskoy istorii* [Historiographical aspects of Siberian history], Part 9, Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta, Nizhnevartovsk, Russia, pp. 172–191.
- Narskiy, I.V. (2001), *Zhizn' v katastrofe: budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in catastrophe: working days of the Ural population in 1917–1922], ROSSPEN, Moscow, Russia, 632 p.
- Sorokin, P.A. (2003), *Golod kak faktor. Vliyanie goloda na povedenie lyudey, sotsial'nuyu organizatsiyu i obshchestvennuyu zhizn'* [Starvation as a factor. The influence of starvation on the behavior of people, social organization and social life], Academia & LVS, Moscow, Russia, 684 p.
- Taybolina, M.N. (1993), “«Not taken by a natural force» (starvation of 1921–1922 in Kurgan region of Chelyabinsk province)”, in *Zemlya Kurganskaya: proshloe i nastoyashchee* [Kurgan ground: past and present], Issue 5, w.p., Kurgan, Russia, pp. 98–103.
- Fedotova, A.Yu. (2017), “Stereotypes of behavior of people of TASSR during the starvation of 1921–1923: gender aspect”, in *Ekstremal'noe v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu russkoy revolyutsii 1917 g.): materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 16–18 marta 2017 g.* [Extreme in routine life of people of Russia: history and modernity (to the 100th anniversary of the Russian revolution of 1917): materials of international scientific conference dated 16–18 March 2017], Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo, St. Petersburg, Russia, pp. 401–407.